

Тайпин была младшей дочерью императора, только что исполнилось два года. Сказать, что любил как жемчужину на ладони, — значит не сказать ничего, на самом деле боялся расплавить во рту, уронить из рук. Подумав так, император в сердце немного смягчился к этому человеку. Ещё раз долго посмотрев на него сверху вниз, он спросил:

— Дань Чао, верно?

Дань Чао склонил голову:

— Именно так, ваш слуга.

— Я слышал, ты прошлой ночью самовольно вступил в схватку с генералом Сяоци Юйвэнь Ху. Знаешь ли, что самовольное применение оружия в императорском дворце — смертное преступление?

Дань Чао без колебаний ответил:

— Ваш слуга не знал.

Император: «...»

Выражение лица императора немного застыло. Императрица У, не упустив момента, кашлянула:

— Ваше Величество, вероятно, не знает, этот человек — тот самый ученик из храма Цыэнь, что ранее поднёс лекарство и вылечил наследного принца. Я видела, что он искренне предан и к тому же обладает высоким мастерством боевых искусств, а также сошёлся характером с наследным принцем, поэтому самовольно распорядилась, чтобы он сопровождал нас в качестве помощника командира императорской гвардии, также с целью составить компанию наследному принцу.

У Се Юня, сидевшего ниже императрицы, на лице мелькнула тень странности, он невольно бросил взгляд вверх.

Слова императрицы были очень тактичными и ясными, и, казалось, определённо защищали Дань Чао.

Потому что Дань Чао уже вырос, и раз такой взрослый человек уже прибыл в столицу и предстал перед её глазами, убивать было жалко, отпустить — невозможно, поэтому мягко обошлась с ним, приняв на службу?

Или же просто после прошлой ночи, увидев навыки Дань Чао, обнаружила в нём огромную ценность для использования и потому изменила своё первоначальное отношение?

— Что? — император был несколько удивлён. — Это он помог командиру Се найти снежный лотос?

Императрица улыбнулась:

— Да. Этот человек недавно прибыл во дворец, поэтому ещё не знаком с дворцовыми правилами. Должно быть, в порыве ярости, не задумываясь, и вступил в схватку с генералом Юйвэнь.

Император снова посмотрел на Дань Чао и внезапно почувствовал, что этот человек стал ему

ещё более приятен. Даже его жёсткое «Ваш слуга не знал» необъяснимо стало восприниматься как простая прямолинейность. Поэтому, заговорив снова, его тон стал ещё мягче:

— Даже в порыве ярости следует знать, что генерал Сяоци — это пожалованный мной ранг второго класса. Ты — простой стражник без заслуг и титула, никак не должен был поднимать руку на вышестоящего, да ещё и с оружием!

Император сделал паузу, посмотрел на двоих стоящих на коленях внизу. Юйвэнь Ху был непроницаем, бесстрастен, а Дань Чао — статен, красив, спокоен и устойчив. Внутренние весы невольно склонились ещё чуть-чуть:

— Я считаю так: учитывая, что ты впервые провинился, и незнание — не вина, сегодня передо мной хорошенько извинись перед генералом Юйвэнь — лучше распутать вражду, чем завязывать. Лагерь Сяоци и Северное ведомство в моих глазах — оба талантливые помощники. Пусть этот инцидент будет исчерпан.

Юйвэнь Ху незаметно для других выдохнул — он так и знал, что будет такой результат.

Если бы Се Юня сегодня не было, тогда ладно, но он здесь, императрица обязательно поддержит Императорскую гвардию Северного ведомства. Манера императора громко начинать и тихо заканчивать была совершенно неувидительной.

Но на самом деле ему было всё равно.

Рассеянно ожидая, когда Дань Чао начнёт извиняться, все также ждали, когда Дань Чао заговорит с извинениями. Однако в зале Пэнлай стояла тишина, лишь слышалось лёгкое дыхание присутствующих.

— ...Ваш слуга знает свою вину, — наконец, после долгого томительного ожидания, заговорил Дань Чао. — Но ваш слуга не может извиниться.

Раздался глухой звук — это один из внутренних слуг от изумления опрокинул блюдо с фруктами, поспешно встал и стал просить прощения.

Император даже не взглянул на того слугу, лишь пристально уставился на Дань Чао:

— Почему не можешь извиниться?

Дань Чао сказал:

— Потому что первым за руку поднялся генерал Юйвэнь против командира Се. Ваш слуга не имеет заслуг и титула, по закону, конечно, не должен оскорблять генерала второго класса. Но если, увидев, что начальнику угрожает смертельная опасность, из страха нарушить закон буду стоять в стороне, сложа руки, какое тогда преступление?

Император опешил.

Однако голос Дань Чао был твёрдым и уверенным:

— Первый железный закон Императорской гвардии Северного ведомства — преданность. Если выполнение долга верности влечёт за собой смертное преступление, то ваш слуга предпочтёт принять смерть, но не утратить верность. Прошу Ваше Величество покарать! — С этими словами он решительно склонился в поклоне.

Блестяще, просто блестяще.

Присутствующие тут же зашумели. Император был слегка тронут, чувствуя, что каждое слово этого человека попало точно в самую глубину его сердца!

— Ты... — император хотел что-то сказать, но не смог. В голове мгновенно всплыли вероломство Скрытых врат и сложные придворные группировки, составлявшие разительный контраст с этим молодым мужчиной перед глазами. Император хлопнул ладонью по столу, едва не вырвалось: «Хороший стражник!»

Однако он также знал, что Юйвэнь Ху рядом, и три слова, не дойдя до губ, были насильно проглочены, тон изменился:

— Ты... то, что ты говоришь, правда?

Дань Чао сказал:

— Правда.

— Тогда почему генерал Юйвэнь первым поднял руку на командира Се?

— Докладываю Вашему Величеству, — Юйвэнь Ху почувствовал, как горько-сладкий привкус ударил в горло, на этот раз он наконец опередил мерзавца Дань Чао, заговорив первым:

— Стражник Дань не видел всего хода событий, первым за руку поднялся командир Се против вашего слуги!

Вот так, дело снова вернулось к этим двум заклятым врагам — командиру Се и генералу Юйвэнь.

Император глубоко вздохнул, успокоился и обратился к Се Юню, сидевшему ниже императрицы:

— Командир Се, что ты на это скажешь?

Се Юнь оставался невозмутимым, даже без намёка на лишние эмоции, встал и поклонился императору:

— Отвечая Вашему Величеству, генерал Юйвэнь говорит правду.

Император нахмурился:

— Тогда Дань Чао не знал законов, и это можно понять. Но ты — командир императорской гвардии, почему же, зная, сознательно нарушил, устроив вооружённую драку в императорском дворце?

Едва произнеся эти слова, император вдруг пожалел, потому что увидел на лице Се Юня очень странное выражение... Выражение, от которого у него внезапно возникло одновременно знакомое и зловещее чувство, словно много лет назад уже происходила очень-очень похожая сцена.

И действительно, в следующий момент Се Юнь заговорил, даже не запнувшись:

— Потому что генерал Юйвэнь среди ночи проник в Чертог Прохлады и тайно подглядывал за

вашим слугой.

— Ваш слуга только что вышел из ванны, внезапно испугался и потому поспешно бросился в драку. Прошу Ваше Величество покарать!

Император: «...»

Только что шумевшая публика в зале Пэнлай теперь, можно сказать, коллективно пришла в ужас.

В сердце императора была лишь одна мысль: почему у командира Се против Юйвэнь Ху всегда только этот один приём?

И почему этот один приём каждый раз подставляет Юйвэнь Ху?!

Если бы не знал, что в доме у Юйвэнь Ху есть красивые наложницы и любимые наложницы, и что Се Юнь явно не имеет ничего общего с теми бесполоыми актёрами и мальчиками-любимцами, император сейчас действительно заподозрил бы, что у генерала к командиру императорской гвардии... есть невыразимые намерения.

Но даже если император и хотел верить в невиновность Юйвэнь Ху, исправить ситуацию было сложно, потому что сам Юйвэнь Ху не мог опровергнуть — каждое слово Се Юня было правдой... Хотя и правдой, звучащей очень странно. Кроме как крепко стиснуть зубы и тяжело дышать, он даже рта открыть не мог.

Боялся, что, открыв рот, не сдержит ту кровавую мокроту, что копилась со вчерашнего дня.

Император неуверенно спросил:

— Любимый сановник Юйвэнь... есть что сказать?

Юйвэнь Ху, с землистым лицом, покачал головой.

Императору было очень трудно принять решение. По совести, из трёх человек, вовлечённых в это дело, больше всего он ценил и считал наиболее невиновным Дань Чао, затем — Юйвэнь Ху, не примкнувшего ни к лагерю императрицы, ни к лагерю Восточного дворца, и, наконец, — Се Юня, который часто казался ему очень странным, несколько неуправляемым.

Но то, что можно было решить извинением по течению, превратилось в клубок противоречий. Кажется, винить кого-либо неправильно, продолжать расследовать и назначать наказание — очень неловко.

Император кашлянул:

— Лагерь Сяоци — важные войска, охраняющие столицу, Императорская гвардия Северного ведомства — железная стража, защищающая императорский дворец. Вы оба в моих глазах — талантливые столпы. Если целыми днями из-за пустяков будете драться и скандалить, что же подчинённые о вас подумают? Я считаю, это дело лучше... лучше...

Характер нынешнего императора, на самом деле, был подобен тесту, обёрнутому вокруг лезвия, а лезвие прилипло к тесту. При возникновении проблем ему было весьма трудно принимать решения. Именно поэтому решительная и яркая императрица У была для него особенно важна. Как мужчине ему нравились такие живые, нежные и во всём зависящие от

него девушки, как госпожа Хэлань, но как император он психологически зависел от таких властных, активных и сильных женщин, как императрица У.

Император долго «лучше... лучше...», но так ничего и не придумал, невольно бросил взгляд на императрицу У:

— Как считает императрица?

Императрица У решительно заявила:

— Конфликт между Лагерем Сяоци и Императорской гвардией Северного ведомства касается безопасности важного места столицы, абсолютно нельзя относиться к этому легкомысленно.

Одной фразой императрица определила судьбу, и сердце императора немного успокоилось:

— Тогда как, по-твоему, следует поступить?

<http://bllate.org/book/15578/1387266>